

Алексей БАТАЛОВ:

✓

ГОД МОЕЙ ЖИЗНИ

Обычный с фасада, ничем не примечательный десятый павильон «Мосфильма» напоминает внутри Ноев ковчег. Мельнают турецкие фески, дефилируют конюшни в длинных платьях, негритянки в шляпке со страусовыми перьями что-то объясняют матрос с французского корабля, человек в комиссарской кожанке беседует с белогвардейским офицером...

Разобраться в этом смешении красок и лиц казалось невозможным.

По нашим костюмам вы, видимо, догадались, что этот фильм относится к годам гражданской войны, — сказал Алексей Владимирович Баталов. (Его можно было узнать сразу — скупой, как всегда, грим мало изменил лицо, знакомое каждому зрителю.) — Все события фильма, судьбы его героев подчинены ходу истории, фантам. Это требует от художников, костюмеров и реквизиторов особых усилий и множества хлопот. Разумеется, это нас, актеров, не скорее косвенно, так как люди, населяющие фильм, — персонажи из пьесы М. Булгакова «Бег». В той или иной мере они тоже имеют родственников в истории, но прежде всего они все-таки булгаковские создания, в какие бы подлинные обстоятельства ни ставили их кинематографисты.

— Фильм отличается от пьесы?

— Конечно, хотя бы в той мере, в какой кино, то есть искусство, свободное во времени и пространстве, обладающее огромными возможностями включать в повествование подлинный фон, живую натуру, лица, природу, отличается от театра.

Но не всегда это становится украшением пьесы или

фильма. Есть произведения, где главное — в тексте, в разговорной основе, и всякие кинематографические проходы оказываются просто лишними.

Мне кажется, в данном случае все это не противоречит замыслу писателя, так как самое важное в судьбе героев — история самой жизни, всеобщее движение, борьба, охватывающая всю страну и так или иначе касающаяся каждого человека.

Да и вообще чистая экранизация драматургического произведения, на мой взгляд, правомерна только в случае хроникальной фиксации театрального шедевра. Хотя, честно говоря, и это всегда мне кажется скучноватым и малохудожественным занятием.

— Алексей Владимирович, расскажите, пожалуйста, о вашей новой роли.

— Всякий театрал скажет вам, что порученная мне роль прежде всего несет чисто служебную нагрузку. Голубов, которого я играю, есть фигура, связывающая единой линией события пьесы, где самыми яркими и запоминающимися, конечно, остаются Генерал Хлудов, Чарнота и Корзухин. Потому моя роль dullнее и статичнее, чем нужно бы, на мой взгляд, для кино. Трудно сказать, что из этого получится, — сейчас самый разгар съемок.

— Чем же интересна для вас эта роль?

— Главное, что меня привлекает в этой работе, не имеет прямого отношения к драматургии. Съемки — это ведь еще и целый год жизни со всеми горестями и радостями. Главное, что вокруг фильма «Путь в беду» — так пока он называется — собралась дорогая и близкая мне люди, с которыми сам процесс работы становится

А. Баталов и Л. Савельева на съемках фильма «Путь в беду»

осмысленным, увлекательным и радостным.

Картину ставят режиссеры А. Алов и В. Наумов. В различных ролях заняты актеры московских и ленинградских театров и актеры чисто кинематографические. Так что всякий день можно ждать какую-то интересную встречу. Не говоря уже просто о моих друзьях, о людях, с которыми мне всегда радостно и легко работать.

Так что мой «неисправимый» интеллигент Голубов — для меня не только роль, но еще и возможность поработать в кругу интересных, талантливых людей.

— И все-таки это не совсем обычное ваше амплуа. Мы больше привыкли вас видеть в ролях современных героев.

— Амплуа — дело условное. Но если говорить о том, что я играл раньше, то вы правы. Уж во всяком случае это не современник, не «герой нашего времени». Но сейчас я нисколько об этом не жалею, потому что делать одно и то же всегда мучительно и в высшей степени вредно. Кроме того, если говорить о чисто профессиональных заботах и усилиях, о «нужне» нашего дела, то задача, глав-

ная цель остается неизменной и в современной, и в исторической ролях.

— В чем же заключается, на ваш взгляд, эта задача?

— Во всякой работе прежде всего стремишься к убедительности, к живым ассоциациям, к современному способу выражения, поскольку и самая строго историческая лента в конце концов делается для современника и должна, стало быть, оставаться в чем-то актуальной, современной, волнующей сегодняшнего человека.

— Алексей Владимирович, вы играли людей самых разных профессий — физиков, врачей, шоферов. Наверное, и сегодня вы думаете об образе человека, живущего рядом с нами. Вернетесь ли вы к нему в кино?

— Конечно, и чем современнее, ярче будет этот современник — если, конечно, мне предложат его играть, — тем интереснее. Тем больше возможностей применить те наблюдения, которые невольно накапливаются ежедневно.

— И теперь, когда вы в костюме Голубова?

— И теперь, как и всегда.

Е. ДЕМУШКИН

Лит. газет, Москва, 1969, 3 сент.